

ИДЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена идее государственности как ценностному основанию российской культуры. Вопрос о специфике, аксиологическом значении феномена государственности и его влиянии на характер культуры общества традиционно является одним из наиболее актуальных в отечественной философской мысли. В статье предпринята попытка разобраться в причинах неослабевающего интереса к комплексу вопросов, связанных с идеей государственности.

Ключевые слова: культура, цивилизация, ценность, государственность, традиционность, ментальность, культурное своеобразие, историческая преемственность, монархизм.

Как известно, наряду с географическими, этническими, конфессиональными и иными культурно-историческими особенностями государственность выступает одной из существеннейших, стержневых характеристик любой цивилизации. Но помимо культурно-исторического стержня идея государственности является для российской цивилизации своеобразным ценностным основанием, тем ядром мировоззрения и жизнедеятельности общества, «которое позволяет понять причины и сущность исторического своеобразия, неповторимости ...народа...» [4, 6]. Об этом свидетельствует тот факт, что вопрос о специфике, аксиологическом значении феномена государственности и его влиянии на характер культуры общества традиционно является одним из наиболее актуальных в отечественной философской мысли.

Впервые вопрос о ценности государственности поднимается уже в древнерусской публицистической мысли: автором «Повести временных лет» (конец X – начало XII вв.) осознается необходимость института государственности, ставится вопрос формирования русского государства. И уже здесь закладывается весь спектр будущих размышлений отечественной философской мысли о ценностном значении государственности.

Формирование и утверждение идеи государства в качестве одной из ведущих идей-символов [4; 50, 220–225] находит воплощение в известной формуле «Москва – Третий Рим», выдвинутой в начале XVI в. иноком Филофеем [15, 347]. Таким образом была сделана историческая заявка на особую роль русского государства в ми-

ровой цивилизации, перенимавшего традиции прежних могущественных государств – Рима и Византии, и особую значимость института государственности для культуры Руси. Впоследствии эта тема, так или иначе, будет подниматься всеми русскими мыслителями. Попытаемся разобраться в причинах подобной традиционно неослабевающей актуальности для русского сознания всего комплекса вопросов, связанных с обозначенной проблематикой.

Аксиологическое осознание идеи российской государственности в русской философии культуры включает в себя ряд аспектов. Это прежде всего: формирование государства, форма правления, взаимоотношение личности и государства, общественное самосознание российских граждан. Безусловно, все эти составляющие представляют собой некий нерасчленимый синтез взаимообусловленных элементов, которые не могут быть рассмотрены строго дифференцированно. Для удобства рассмотрения мы очень условно попытаемся их охарактеризовать в качестве относительно самостоятельных единиц.

Итак, вопрос о формировании русского государства. Решается он в отечественной философской мысли двояко: мыслителями утверждается либо роль внешнего влияния при формировании русской государственности, либо собственно-внутренняя организация государственной жизни Руси.

К первому типу концепций относится хорошо изученная «норманнская теория»¹ и «туранская теория» евразийцев (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий), согласно которой именно та-

¹ Норманнская (варяжско-новгородская) теория начала русской государственности впервые озвучена новгородским летописцем в «Повести временных лет». Согласно ей, славянские племена призвали варягов – Рюриковичей – править своей землей и народами, ее населяющими.

таро-монгольская «прививка» послужила созданию централизованной государственности на Руси, привнесла на Русь *идею* государства, государственную *систему*: когда единство монгольской империи стало нарушаться, утверждают евразийцы, историческую роль объединителя не только русских, но и разрозненных и обособившихся к этому времени монгольских земель взяли на себя московские князья. Воспринятая и переродившаяся, чуждая и враждебная, но по духу своему весьма привлекательная идея государственного единства была отделена от монгольства, связана с православием, объявлена русской и воспринята как ведущая ценность, что привело к возникновению русской государственной идеологии. То есть монархия монгольского завоевателя оказалась замененной именно московской государственностью, которая явилась преемницей монгольской в отношении территории, особенностей государственного устройства, в идейном содержании – стала носителем центральной государственной власти. Государственное объединение России под властью Москвы стало прямым следствием «татарского ига». Таким образом, следуя концепции Трубецкого, внешним фактором, повлиявшим на формирование русской государственности, стал туранский элемент. Именно поэтому, согласно теории евразийцев, в исторической преемственности Россия восходит вовсе не к Киевской Руси, а к монгольской монархии Чингисхана [22]².

Говоря о роли внешних факторов в формировании идеи русской государственности, нельзя обойти стороной концепцию *византизма*, которую брали в расчет многие русские мыслители. Н.Я. Данилевский, Л.А. Тихомиров, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, В.С. Соловьев отмечают огромную роль византизма в историческом развитии России, указывая на то, что именно византизм породил российскую государственность и придал ей ее зрелую форму, развившись на русской почве в идею царизма. Под византизмом в отечественной социально-философской мысли принято понимать впитанное через принятие христианства культурное наследие Византийской цивилизации. Наиболее ярко, на наш взгляд, эта идея выражается в

формуле «Византизм в государстве значит самодержавие. В религии оно значит христианство» [14, 20]. Тем не менее, оценки этому фактору мыслителями даются прямо противоположные. Так, славянофилы и традиционалисты утверждают, что византизму принадлежит позитивно-определяющее значение в процессе генезиса российского государства. В частности, философ традиционалистского толка Константин Леонтьев значимую роль в этом процессе отводит византийскому православию, считая его влияние на становление российского типа государственности определяющим. Под воздействием византийских идей, доказывает он, окреп царизм, так как именно византийские идеи и чувства сплотили Русь в некое единое целое.

В вопросе ценностного значения византизма в генезисе российской государственности славянофилам и традиционалистам противостоят западники и социалисты. А.И. Герцен определяет влияние Византии на российскую государственность резко негативно, утверждая, что Россия восприняла от Византии государственность, основанную на неограниченной власти, на пассивном послушании, на полном поглощении личности государством. Восточная церковь, считает он, войдя в структуру русского государства, благословила и санкционировала все меры, принятые против свободы народов, научила царей «восточному деспотизму» [8, 332].

Несмотря на кажущуюся диаметрально противоположность обозначенных концепций, в них есть нечто общее. Во-первых, роль организующего элемента в подобного рода концепциях принадлежит некому внешнему историческому фактору – призванию варяг, туранскому элементу, византизму. Во-вторых, между названными факторами имеется явная близость. Она заключается в том, что каждый из них сыграл свою – значительную – роль в процессе формирования государственного устройства и повлиял на формирование идеи ценности института государства, что в комплексе обусловило неповторимое своеобразие русской государственности. По сути, можно сказать, что все эти теории не столько противостоят друг другу, сколько являются различными сторонами единого целого.

² Об этом, по мнению Трубецкого, также свидетельствует и тот факт, что географически его территория совпадает с основным ядром монархии Чингисхана. Являясь наследником, преемником и продолжателем исторического дела Чингисхана, русское государство во все времена своего существования инстинктивно стремилось воссоздать нарушенное единство.

Заметим, что среди русских философов существует и некая переходная – от внешней к внутренней – концепция, принадлежащая перу Н.Я. Данилевского. Он рассматривает татаро-монгольское нашествие и призвание варягов не в качестве системообразующих, а всего лишь *воспитательных*, хотя и обладающих безусловной ценностью исторических элементов. Но основополагающую роль в этом процессе отводит собственно внутреннему фактору: государствообразующей функцией выступает, по его мнению, крепостное право, т.е. русская форма феодализма, употребленная московскими государями для политической централизации [10].

К теории собственно-внутренней организации государственной жизни можно отнести полянорусскую (киевскую) концепцию³ и позицию К.С. Аксакова, считающего, что при образовании государственного начала у русских славян общественная структура, общественно-политический строй опирались на волю народа (институт вече, позднее реализованный в Земском соборе) [1].

Безусловно, каждая из этих версий обладает своей системой доказательств и фактов, но для нас в большей степени имеет значение тот факт, что вопрос о формировании отечественной государственности не сходит с русского философского олимпа на протяжении многих столетий. Дело, вероятно, в том, что он отражает процесс формирования идеи государства как синтеза высших социальных и моральных ценностей российской культуры (справедливости, блага, мира, любви), которые выражают «стремление к укреплению своих связей с обществом, другой личностью, в которых и через которые человек продлевает свое бытие» [4, 67]. Задавая себе вопрос о формировании Российского государства, мыслители сознательно или нет пытаются найти ответ на ряд других: об исторической преемственности государственных форм, историческом курсе, месте России на мировой политической арене, цивилизационной

специфике, национальной идентичности. Размышления по поводу ментальной близости/чуждости российской цивилизации Западу или Востоку, реализованные в форме определения роли византийского и туранского элементов в российской государственности, выявляют стремление мыслителей очертить ориентиры в политической, исторической, аксиологической системе координат. Закономерно, что особую остроту весь этот комплекс проблем приобретает в переломные эпохи российской истории: XIII – XV в.в. – татаро-монгольское нашествие; XVI – время становления идеологии московской государственности, XIX век – отечественная война 1812 г. и восстание декабристов 1825 г., продемонстрировавшие национальное и государственное величие России и ее социальную отсталость; XX век – неоднократная смена политических режимов.

Связано это, вероятно, в большей степени не только со стремлением найти некие объективные культурно-исторические предпосылки, но и с поиском культурной и национальной идентичности и, кроме того, с «охлаждением» или «потеплением» в отношениях с Западом и Востоком. Таким образом, ведется постоянный поиск ответа на вопрос *кто мы?* И это также имеет знаковый характер, ведь человеческой истории вряд ли известна хотя бы еще одна нация, которая с завидной регулярностью задавала бы себе подобные вопросы.

Следующий аспект аксиологии российской государственности, который косвенно вытекает из предыдущего – вопрос формы государственного правления и тесно связанные с ней проблемы взаимоотношения личности и государства и общественного самосознания.

Бесспорно замечание Данилевского о том, что процессы формирования государственных единиц с присущими им особенностями напрямую зависят от тех исторических условий, в которых они складывались и существуют [10, 256 – 292], и, добавим, от «неких общих ценностей, ха-

³ Помимо варяжской в «Повести временных лет» представлена и иная – полянорусская – теория происхождения русского государства, принадлежащая перу киевского летописца. Киевский летописец отождествляет с племенем русь полян, считая их основателями и духовным ядром русской государственности и отрицая какую бы то ни было роль внешнего воздействия. Создана она была, кстати, намного раньше варяжской. Киевская полянорусская концепция написана в конце X века, вскоре после крещения Руси (около 996 года), новгородская, видимо, в XI столетии, а соединились они в едином летописном своде в начале XII века. Наличие в летописи двух совершенно разных версий говорит о существовании проблемы уже на столь ранних этапах развития отечественной словесности. Вероятно, осознание важности ее постановки и решения заставляет скомпилировать два изначально разных текста – собственно повести, не предполагавшей ведения погодных записей и принадлежавшей перу киевского летописца, и более поздней Новгородской летописи.

рактерных для больших групп субъектов» и «воплощающих собой наиболее значимые целе- и смыслодерживающие притязания и устремления» [4, 65]. Многие отечественные мыслители отмечают тот факт, что всей русской историей диктуются монархические централизованные установки российского государства⁴, которые оправданы исторической необходимостью и имеют серьезные предпосылки для своего формирования. При этом ценностные основания идеи монархизма достаточно разнообразны.

Во-первых, одним из существенных оснований выступает *народная психология*. Подобной позиции придерживаются мыслители славянофильского толка, например К.С. Аксаков, утверждающий, что монархия является государственной формой, все элементы которой уходят своими корнями в традиционные формы общественной и семейной жизни, соответствуя народным ценностям и идеалам, и формируют самобытность русского народа. Ограничение же самодержавия, по его мнению, способно привести к разрушению веками установленной культурной самобытности [1]. Подчеркнем, что, по мнению Аксакова, народ при монархической форме правления берет на себя охранительные и ценностные функции, управленческие же возлагает на «доверенное лицо» – монарха.

Во-вторых, в качестве ценностного основания монархической идеи может выступать *историческая преемственность*. Так, евразийцы, как уже отмечалось, исходят из той исторической предопределенности, что Россия выступает преемницей монгольской монархии Чингисхана, унаследовавшей ее дух, идею централизации, а К.Н. Леонтьев считает Россию наследницей Византийской цивилизации, привившей идею самодержавия, основанного на православии.

В-третьих, отмеченная К.Н. Леонтьевым и Г.П. Федотовым [23, 20–24] *слабость аристократического, родового начала*, не сумевшего составить должной конкуренции единовластию,

что способствовало воплощению родового наследственного царизма⁵.

В-четвертых, это, безусловно, сыгравшее позитивную роль наличие *потенциальной внешней угрозы*, требующей создания сильного централизованного целого. Подобную мотивацию приводят Н.Я. Данилевский, по мнению которого, постоянная внешняя угроза исходит со стороны Запада [10], и О.А. Платонов, в концепции которого в качестве внешней угрозы выступает татаро-монгольское иго [16].

Признавая значение монархизма в идее русской государственности, своеобразно оценивали его роль представители европоцентристской, религиозной и традиционалистской философской мысли. Родоначальник классической формы русского консерватизма Н.М. Карамзин утверждает, что ценность традиционной формы монархической власти заключается в том, что подобная система государственного правления позволяет соединить действия силы в центре и на местах [13]. Философы славянофильского толка, трактуя государственно-бюрократический аппарат вообще как сферу насилия, отдавали предпочтение самодержавию благодаря тому, что оно избавляет общество от участия в политике, позволяя ему формировать структуры, основанные на свободном согласии (общину, земщину), т.е. выступает как наименьшее из зол⁶.

Концепция религиозно-нравственной ценности монархической идеи развивается в учениях русских философов религиозного направления. Владимир Соловьев так определяет сущность православной монархии: «Глава национального государства, если он достоин врученной ему власти, должен мыслить и действовать как истинный сын Вселенской Церкви... и тогда он есть истинный образ и орудие Сына и вечного Царя, того, кто творит не свою волю, но волю Отца и желает быть прославленным лишь для того, чтобы в себе прославить Отца» [19, 253]. И.А. Ильин в труде «О монархии и республи-

⁴ Идеи монархии изложены в трудах царя Ивана IV Грозного, Митрополита Филарета (Дроздова), Д.А. Хомякова, П.Е. Казанского, Н.И. Черняева, И.Е. Забелина, Б.Н. Чичерина, В.Ф. Иванова, И.А. Ивановского, А.С. Алексева, В.Д. Каткова, К.Д. Кавелина, С.А. Котляровского, Н.С. Суворова, И.Г. Щегловитова, И.А. Ильина, Л.А. Тихомирова, о. Павла Флоренского, А.В. Карташева, М. Зызыкина, А.С. Павлова, Б. Башилова, архимандрита Константина (Зайцева), Епископа Никодима, Михаила Назарова, Дмитрия Васильева и многих других.

⁵ Его силу и прочность К.Н. Леонтьев называет основным залогом прекрасного исторического воспитания российской государственности и утверждает, что столь глубокие монархические свойства русской государственности не в силах разрушить ни бунты, ни революции, а только единственно – очень мирная, законная демократическая конституция. Анализ современной российской общественно-политической ситуации последних восьми лет позволяет не согласиться с философом в этом вопросе.

⁶ Славянофилы считали, что понятие самодержавия было характерно лишь для Московского царства, его следует отличать от привнесенного Петром I петербургско-чиновничьего абсолютизма западноевропейского типа.

ке» утверждает, что ценность монархии заключается в том, что это наилучший, гармоничный и справедливый способ общественной организации, совершенная форма правовой государственности, при которой ответственность правителей и подданных возводится к «высшим источникам правосознания: к Богу» [12, 199]. Мысль И.А. Ильина продолжает Д.А. Хомяков. По его убеждению, достоинство самодержавия заключается в «личной и нравственной ответственности власти», в том, что в идее царя присутствует жертвенность, несение бремени, «священность власти». Человек с монархическим православным правосознанием презирает принцип обогащения и земного благополучия, почитая самым ценным свободу веры, свободу духовной жизни [26]. Его мнению близка мысль о. Павла Флоренского: «В сознании русского народа самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, – милость Божия, а не человеческая условность, так что самодержавие царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры и не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную и государственную пользу» [23, 26]. В.В. Розанов в своей работе «О подразумеваемом смысле нашей монархии» утверждает следующее: «Царская власть есть чудо. В царской власти через ее таинственный институт побеждено чуть ли не главное зло мира, которое никто не мог победить и которого никто не умел избежать: злая воля, злое желание, злобная страсть» [17, 3]. Как видим, подобным учениям присущи сакрализация власти, патернализм, идеализация самодержавного строя, который существенно отличается от имевшего место в действительности. В трудах мыслителей он выступает как безусловная ценность, некая высшая нравственная сила, способная спланировать общество и противостоять его центробежным движениям.

Взгляды представителей западнической мысли отличаются острой социально-критической направленностью и интересом к проблеме ценности личности и ее взаимоотношения с государством. Так А.И. Герцен отрицает в русском самодержавии наличие ценностных оснований, отказывается в национальных корнях, считая, что оно не имеет ничего общего с народом, выросло из антинациональной революции и уже давно выполнило свое назначение – осуществило гро-

матную империю, грозную армию, правительственную централизацию. Главным итогом синтеза самодержавия и православия мыслитель называет полную регламентированность как духовной, так и гражданской сторон жизни, недостаток личной независимости, следствие которой – полное отсутствие уважения к личности, цинизм власти и долготерпение народа [8]. О ничем не ограниченной власти русского государства над личностью говорит и Т.Н. Грановский, отказывая ему в морально-правовой ценности и считая, что Россия не восприняла свободы личности вследствие того, что самодержавный строй не дал ей возможности пережить феодальный период. Самодержавие обусловило несправедливость, жестокость, насильственность российского государства по отношению к своим гражданам [9], в то время как доминирующей функцией государства должна быть охранительная функция и, следовательно, высшей ценностью для каждого государства должна выступать безопасность его граждан. Достаточно резко относительно этой особенности русского государства высказывается В.Г. Белинский: «<...> Предоставляю вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия... только продолжайте благо разумно созерцать ее из вашего прекрасного далека: вблизи-то она не так красива и не так безопасна...» [5, 328].

Итак, представители этого направления социально-философской мысли рассматривают монархические установки русского государства как *антиценность* и в качестве обвинения предъявляют отечественному государственному строю забвение основной функции государства, которую заменила регламентированность всех сфер жизни; а также отрыв от народных основ, доминирование государства над личностью, попрание самоценности чести и достоинства личности.

Одним из теоретиков и идеологов монархической идеи является философ-традиционалист Л.А. Тихомиров. Его фундаментальный труд «Монархическая государственность», где проводится глубокое исследование монархии как формы государственного правления, выступает основой монархической теории и, на наш взгляд, стремится к наибольшей объективности. По мнению мыслителя, Россия представляет страну с особо благоприятными условиями для выработки идеального типа монархической

верховой власти, связанного с национальным религиозно-нравственным идеалом. Это прежде всего религиозные, социально-бытовые ценности и условия внешней политики. А вот что касается гражданских ценностей, условий политической сознательности, то они на протяжении всей тысячелетней истории России были крайне слабы, спутанны и противоречивы и едва ли не хуже, чем где бы то ни было. «От этого в русской государственности чрезвычайно много смутного, спутанного, противоречивого и слабого. <...> Для сильного, прочного и систематического действия политическая идея должна *сознать себя как политическая*. Она должна иметь свою политическую философию и систему права. Этого у нас никогда не было» [20, 261]. Следствием подобного положения дел в России, считает Лев Тихомиров, стала шаткость политического строения, несистематизированное управление, запутанность государственных функций, что, в свою очередь, не могло не привести к росту бюрократии, вытеснившей и аристократию в высшем управлении, и земщину в низшем. Правящий слой петербургского правления произвел подмену самодержавия полярным принципом абсолютизма: если самодержавие как неограниченная политическая власть имеет пределы, т.е. ограничивается своим собственным принципом, то абсолютизм подобных пределов был лишен. Это послужило последним подрывом монархической государственности, и спасти ее могло только радикальное обновление [20]. Как видим, по мнению Льва Тихомирова, основной причиной подрыва государственных основ является именно отсутствие сильной политической идеи в государственном управлении, несформированность *философии политики* и гражданских ценностей.

Эти же тенденции усматривают современные исследователи российской цивилизации (А. Ахиезер, И. Клямкин и И. Яковенко). Мыслители утверждают, что монархизм как однополюсная модель властвования могла воспроизводиться на протяжении всей истории России лишь потому, что в жизненном укладе населения доминировала «отцовская» культурная матрица и стремление персонифицировать власть в лице одного ее представителя. Легитимация власти при этом происходит через сакрализацию верховных правителей и милитаризацию жизни общества, когда социальная спло-

ченность общества достигается путем создания образа врага [3]. Таким образом, по мысли философов, идея централизованного государства основывается на господствующих в культуре архетипических ценностных представлениях.

При этом монархические принципы в качестве авторитарной политической традиции и имперских устремлений можно усмотреть не только в социалистическом государственном устройстве, но и в современном постсоветском государстве. Это, в частности, замечают современные исследователи российского общества [2]; [3]; [7]; [24]. Так, например, прямым наследием нелиберальной государственной традиции выступает идеологическая двойственность современной государственности, заключенная в синтезе либеральных и нелиберальных начал (сочетание авторитарной практики с либерально-демократической риторикой), тенденция к авторитарной традиции властвования, несформированность гражданских ценностей и самосознания. На эту преемственность, сохранившуюся в современных российских условиях, указывает, в частности, А.С. Ахиезер и его соавторы, отмечая, что незрелость культуры гражданства с его установкой на приоритет личности по отношению к государству и сохраняющаяся культура подданства с его ориентацией на верховенство государства над личностью свидетельствуют об отсутствии общих государственных ценностей, консолидирующих население, без которых не может возникнуть коллективного «мы» современных гражданских наций. Кроме того, при отсутствии опыта неавторитарного правления решения своих проблем общество ждет от персонификатора власти и не испытывает потребности в обретении собственной политической субъектности. В этом случае и сама власть начинает тяготеть к выстраиванию административной вертикали поверх общества и консервированию его в объектном положении [2]; [3]; [11].

Итак, какими бы противоречивыми ни были оценки единовластных установок российского государства, русским мыслителям свойственно их рассмотрение в качестве значимой составляющей идеи государственности, основанной на господствующих в культуре ценностных представлениях и входящих в систему традиционных ценностных ориентаций: семьи, веры, коллективизма. Однополюсная модель власти имеет серьезные культурно-исторические предпосылки,

она взаимообусловлена и тесно сопряжена со сложившейся (и не сложившейся) системой ценностей, формами общественного самосознания и взаимоотношения личности и государства. Влияние монархических установок на российское государственное устройство весьма устойчиво, и нелиберальная социально-политическая система с доминированием государства над личностью традиционна для России.

Несложно было заметить, что аксиологическое рассмотрение института государства и идеи государственности в целом влечет за собой постановку целого ряда не менее значимых как для философской мысли, так и для российской культуры вопросов. Цель настоящей статьи не состояла в том, чтобы дать исчерпывающие ответы на все множество вопросов, волнующих русских философов. Однако знаковым выступает следующее наблюдение: вот уже не одно столетие отечественная философская мысль вращается вокруг одного и того же круга проблем – проблем укрепления государственности. На наш взгляд, это может свидетельствовать о традиционной повторяемости и традиционной же нерешенности в российском социуме старо-новых проблем, таких, например, как несформированность гражданских ценностей, слабовыраженная самооценочность личности как наивысшей, экзистенциальной ценности, отсутствие общегосударственных ценностей, консолидирующих население. Таким образом, можно заключить, что формирование ценности государства в России происходит параллельно с принижением ценности самоуправления («самоуправства», которое жестоко подавляется со времен И. Грозного), ценности личности (поскольку крепостное право было отменено лишь в 1861 г., а права женщин и детей были утверждены и вовсе гораздо позже). Обоснование ценности государства при этом рассматривается как условие сохранения политической само-

стоятельности и могущества России, как фактор, способствующий противостоянию внешним и внутренним «врагам» власти. В культуре этот фактор проявился амбивалентно: с одной стороны, это способствовало процессу сакрализации власти, созданию «ореола» ее святости («Святая Русь»), вплоть до утверждения ее центральной, мессианской роли в мировой истории (мифологема «Москва – Третий Рим», славянофильство, панславизм). В наиболее негативных аспектах это способствовало гипертрофированности государственного аппарата, вседозволенности власти, подавлению зачатков демократии, жесткой государственной цензуре по отношению к проявлениям духовной жизни. С другой стороны, обоснование государства как одной из высших ценностей в системе иерархии способствовало развитию ценности соборности, коллективизма, общинности, неотъемлемых от признания сильной единой власти. Народность, коллективизм нередко противопоставлялись отечественными мыслителями западным идеалам свободы, личности, либерализму, притом что последние наделялись нередко негативными характеристиками. Сильное государство и единый народ – два ценностных ориентира российской культуры, проявившихся во многих ее феноменах (от философии, религии, идеологии до искусства, мифологии, традиционных представлений). Культура как квинтэссенция ценностей развивается в направлении тех ориентиров, которые в процессе исторического генезиса общество признало смыслозначимыми. В связи с этим можно заключить, что ценность государственности, объективного, «высшего» онтологического начала, стоящего над личностью и народами, ставшая для России одной из доминант общественного сознания, способствовала формированию уникальности ее культуры, социально-политического, экономического и духовного своеобразия.

10.03.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II // Очерк русской философии истории. Антология. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. 457 с.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). В 2-х тт. Т. I: От прошлого к будущему. 2-е изд. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 783 с.
3. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – М.: Новое издательство, 2005. 708 с.
4. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории. Монография. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2004. 277 с.
5. Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю // Белинский В.Г. Избранные письма. В 2-х тт. Т. II. – М.: Наука, 1955. 531 с.
6. Бердяев Н. «О власти пространств над русской душой» // Бердяев Н. Судьба России. – М.: Аст, 2005. 333 с.
7. Волков А. Явление председателя народу // Деловой вторник, 2008. №16. С. 5 (2) Приложение к газете Волга. 2008, №63.
8. Герцен А.И. Московский панславизм и русский европеизм // Избранные философские произведения. В 2-х тт. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1946. 371 с.

9. Грановский Т.Н. Из сочинений, лекций и писем // Грановский Т.Н. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты. – М.: Издательство РАН, 2006. 282 с.
10. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Эксмо-Пресс, 2003. 607 с.
11. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Изд-во МГУ, 2000. 304 с. ISBN 5-211-04238-7.
12. Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. №4. С. 129-148.
13. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политических и гражданских отношениях // Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. – М.: Айрис-Пресс, 2004. 512 с.
14. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Записки отшельника. – М.: Высшая школа, 1992. 544 с.
15. Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. – М.: Наука, 1984. 321 с.
16. Платонов О.А. Русская цивилизация. – М.: Изд-во «Роман-газета», 1995. 224 с.
17. Розанов В.В. О подразумеваемом смысле нашей монархии // Вопросы философии. 1991. №6. С. 3–19.
18. Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 284 с.
19. Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. – М.: Айрис-Пресс, 2004. 512 с.
20. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.
21. Тонких В. А., Ярецкий Ю. Л. Россия: цивилизация и культура. – М.: Союз, 1998. 232 с.
22. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. 560 с. С. 223-260.
23. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – М.: Дарь, 2005. 496 с.
24. Флоренский П.А. Около Хомякова // Флоренский П.А. Собр. соч. в 6-ти тт. Т.I.: 1903-1909 гг. – М.: Мысль, 1994. 432с.
25. Фурсов А. Россия выбирает между государством-нацией и государством-корпорацией // Завтра. Октябрь, 2007. №41 (725). С. 3.
26. Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. – М.: Дарь, 2005. 464 с.

Сведения об авторе: Решетникова Наталья Сергеевна, ассистент кафедры культурологии Астраханского государственного университета.

414040, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, тел. (8512) 251618, natalyareshetnikova@yandex.ru

Reshetnikova N.S.

Idea of state organization in the system of value conception of russian culture

The article covers idea of state organization as a value ground of the Russian culture. Specificity, axiologic significance of state organization phenomenon and its influence upon the nature of culture of a society is traditionally one of the most pressing questions of the Russian philosophic Thought. The author attempts to examine the reasons for relentless interest to a range of questions related to the idea of state organization.

Key words: culture, civilization, value, state organization, traditional nature, mentality, cultural originality, historical succession, monarchism.

Bibliography:

1. Aksakov K.S. A writing «About internal condition of Russia», represented to Sire emperor Aleksander II // The essay of Russian philosophy. Anthology. – М.: The institute of Philosophy of RAS, 1996. 457 p.
2. Ahiezer A.S. Russia: the critics of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia). In 2 volumes. V. I: From past to the future. 2-nd edition.- Novosibirsk: Siberian chronograph, 1998. 783 p.
3. Ahiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. The history of Russia: the end or a new beginning? – М.: The new press, 2005. 708 p.
4. Baeva L.V. The values of the changeable world: existential axiology. Monography. – Astrakhan: Publishing house of ASU, 2004. 277 p.
5. Belinskii V.G. The letter to N.V. Gogol // Belinskii V.G. The selected letters. In 2 volumes. – М. Nauka, 1955. 531 p.
6. Berdyaev N. «About the influence of spaces on Russian soul» // Berdyaev N. The fortune of Russia. – М.: Ast, 2005. 333 p.
7. Volkov A. The Appearance of a chairman to people // Delovoi vtornik, 2008. № 16. P. 5. (2). The attachment to the newspaper Volga. 2008, № 63.
8. Gertsen A.I. Moscow Pan-Slavism and Russian Europeanism // The selected philosophical works. In 2 volumes. V. I: - М.: Gospolitizdat, 1946. 371 p.
9. Granovskii T.N. From compositions, lectures and letters // Granovskii T.N. The idea of world's history. Articles. Texts. – М. Publishing house of RAS. 2006. 282 p.
10. Danilevskii N. Ya. Russia and Europe. The view on cultural and political attitudes of Slavic world towards german-roman. – М.: Aksmo-Press, 2003. 607 p.
11. Ilin V.V., Ahiezer A.S. Russian civilization: contents, boundaries, opportunities. – М.: Publishing House of MSU, 2000. 304 с. ISBN 5-211-04238-7
12. Ilin I. A. About monarchy and republic // Voprosi filosofii. 1991. № 4. P. 129-148.
13. Karamzin N.M. A writing about an ancient and new Russia within its political and civil relations // Russian idea. The collection of Russian thinkers' works. – М.: Airis-Press, 2004. 512 p.
14. Leontiev K.N. Byzantinism and the Slavic // The notes of a hermit. – М.: Vissaya shkola, 1992. 544 p.
15. The ancient works of literature of ancient Rus: the end of XV – the first part of XVI century. – М.: Nauka, 1984. 321 p.
16. Platonov O.A. Russian civilization. – М.: Publishing house «Roman-gazeta», 1995. 224 p.
17. Rozanov V.V. About the inner essence of our monarchy // Voprosi filosofii. 1991. № 6. P. 3 – 19.
18. Samarin U.F. The selected works. – М.: Russian political encyclopedia, 1996. 284 p.
19. Soloviev V.S. Russian idea // Russian idea. The collection of Russian thinkers' works. – М.: Airis-Press, 2004. 512 p.
20. Tihomirov L.A. Sovereign statehood. – М.: GYP «Oblizdat», ТОО «Алир», 1998. 672 p.
21. Tonkih V.A., Yareckii U.L. Russia: civilization and culture. – М.: Souz, 1998. 232 p.
22. Trubeckoi N.S. The view on Russian history not from the West but from the East // Trubeckoi N.S. The heritage of Chingishan. – М.: Agraf, 2000. 560 p. P. 223-260.
23. Fedotov G.P. The fortune and sins of Russia. – М.: Dar, 2005. 496 p.
24. Florenskii P.A. Near Homyakov // Florenskii P.A. The collection of works in 6 volumes. V.I.: 1903-1909. – М.: Misl, 1994. 432p.
25. Fyrsov A. Russia chooses between state–nation and state–corporation // Zavtra. October, 2007. № 41 (725). P. 3.
26. Homyakov D.A. Orthodoxy, autocracy, national spirit. – М.: Dar, 2005. 464 p.